

В условиях реального времени

Культура. — 2002. —
21-27 марта. — с. 7

“Война” Алексея Балабанова

На экранах появилась “Война”, и уже нельзя делать вид, что ничего не произошло: Алексей Балабанов сделал видимым героя нашего времени, судьбу русского человека наших дней. Извините за высокопарность, но случай Балабанова — это именно то, о чем спел однажды Гребенщиков. Кто знал, что он — провод, пока не врубили ток?

В центре “Войны” — история русского парня (прекрасный дебют студента Щепкинского театрального училища Алексея Чадова), пережившего некий опыт, бежать которого стало в нашем обществе нормой. Это опыт всамделишной близкой смерти, преодолев которую мужчина становится взрослым и имеет право называть свои решения, жизненные выборы и ценности именно своими. Сержант срочной службы, прошедший военные действия и плен, возвращается в Чечню, чтобы спасти двух заложников, товарищей по несчастью, чьи судьбы ему персонально небезразличны. Это капитан Российской армии Медведев, списанный при жизни в “расход”: полевой командир держит офицера в плену, дабы обменять на своего брата, оказавшегося в тюрьме по “расстрельной” статье, да и зависшего там на неопределенное время, ибо у нас принят мораторий на смертную казнь и возиться с этим сложным делом командованию недосуг. Это британская актриса, похищенная вместе с партнером, тоже артистом, и ее женихом во время гастролей в Грузии. Актер Джон, этот беспомощный почти англичанин, отпущен вместе с сержантом Иваном. Иван как “коммерческое предприятие” бесполезен, но может довести англичанина до федералов, а потом и до Москвы. Джон должен собрать фантастическую сумму в два миллиона фунтов, заплатить выкуп. Иначе любимой — долгая и мучительная смерть, подробно описанная ему в такой форме, что даже самые страшные слова не нужны. Англичанин, не получивший никакой помощи от родного правительства (нельзя вступать в отношения с террористами), сам найдет на порядок

Кадры из фильма. Слева: англичане на Кавказе (И.Келли и И.Даккунайте). Справа: Алексей Чадов — открытие “Войны”

меньшую сумму, просто присовокупит свои и невесты денежные “активы” к эдакой “предоплате”, выданной крупнейшей телекомпанией, готовой платить вперед за сенсационный “прямой репортаж о смерти”. Или за отчет о спасении британки из страшной Чечни, которую держат за нормальную горячую точку, одну из многих на планете Земля.

Вспоминается гениальная притча, рассказанная главным героем “Ностальгии”. Один мужик спасает другого из очень большой лужи и слышит в ответ: “Дурак, я здесь живу”.

Ожидалось, что Балабанов подаст реплику на тему Восток есть Восток. А получилось у него другое — Запад есть Запад. Из пространст-

ва нашей лужи, тем более если покинуть ее нет никакой возможности (и желания, кстати, тоже), довольно смешными выглядят поучения из мира четкого цивилизационного стандарта. Мы, значит, со своей войной разобратся не можем, а они, выходит, все понимают и составляют оценки. Да, спас мою невесту, но в ходе спасения стрелял, убивал, запрещал пленному молиться, вступал в сговор с коррумпированными элементами, взятки давал... А если бы ни тебя, ни ее не спас? Балабанов тут позволяет себе эдакую отмашку, подставляет героя. Увидев то, что случилось с невестой за время его отсутствия, англичанин — разумеется, в состоянии аффекта — убивает страшного “чече-

на”, держащего мощную такую лавочку по торговле людьми. Да, блин, дела, подумали Ваня и капитан Медведев. Как теперь выбирать, если “живой щит”, полевой командир, которым можно было прикрыться, погиб? Но ничего, выбрались, англичанина и девушку его спасли. Англичанин же честно обнарудовал наблюдения-видеозаписи, книжку написал. Мальчика Ваню посадили в КПЗ. Все правильно: убивал, входил в сговор, незаконно проник на территорию военных действий. Взятки, опять же, давал. Рассказ Вани, обрамляющий действие “Войны”, поясняющий и объясняющий ход странной операции по освобождению двух заложников, — это другой репортаж. Сделанный уже

нашим журналистом, после того как Ваня оказался в тюрьме. Через весь этот сюжетный ряд идет вопрос: парень, чего там тебе было надо? И действительно, зачем “все это” режиссеру Балабанову, продюсеру Сельянову, компании “СТВ” и прикнущшему к ней на правах вечного “брата” артисту Бодрову, сыгравшему капитана Медведева?

В фильме рука режиссера (он же сценарист) Балабанова ощутима невероятно. Вот они, четкие указания в виде сюжетных перипетий и режиссерских решений: чечены — бандиты, мирное население сдали в заложники, на войне — как на войне, скоро всей вашей “Америке” — кирдык. Есть, конечно, возможность поспорить. Правда, уже после “Вой-

ны”, потому что рука мастера дело знает, и где-то на сороковой минуте ты уже пребываешь там, на их “Войне”. Каждая инъекция адреналина все больше и больше, и подсаживаешься все сильнее и сильнее. Стрелять и снимать — по-английски это звучит одинаково. Такова еще одна программная часть замысла. Можно также идентифицироваться не с парнями, действующими в координатах этой войны, а с их невестами, мамами, дочками. Ставь свечки и терпи. Или, как говорит мама капитана: “А я у них мандарины никогда не покупала”.

Но есть у этого проекта одно маловажное обстоятельство, которое, вероятно, никогда не будет маркировано как “плюс” или “минус”. Балабанов впервые показал нам героя, прошедшего в заданных им рамках повествования через обряд инициации, через посвящение во взрослого мужчину. Он, сержант Ваня, есть честная предыстория заглавного героя “братского” цикла. Приписанный к российской невинтице и бесконечной “казенной сказке”, к прописке, военному билету, медицинской карте и трудовой книжке, повязанный безденежьем и расставаниями, хиреет на просторах Отчизны наш мужик. И только сильнейшая встряска, история с кровью и войной, может навсегда отлепить его от страха перед милицией и паспортным столом. Вот тогда он и становится героем-победителем, способным определиться со своими проблемами хоть в Москве, хоть в Чикаго. Лучше воевать, чем идти в бандиты или искать идеологические суррогаты взрослости. Лучше? Последняя правда этого фильма не в том, что Балабанов со товарищи думают про Запад, чеченскую сторону и российскую армию. А в том, что они показывают инициацию нашего человека в условиях реального времени. Именно поэтому фильм будет смотреться. Смотреть и помнить, чтобы инициироваться хотя бы посредством экрана.

Анастасия МАШКОВА